Тюляев Александр Викторович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российской правовой академии Министерства Юстиции Российской Федерации (г. Хабаровск). Тел.: (4212) 22 91 72

A.V. Tyulyaev

The Far East: new regional elite's function

The article deals with the trends and principles of transformation of the regional elites in the post-Soviet years. The characteristics of different groups of elites, defined hierarchy of the elite groups and their function in relation to the population of the region are given.

Keywords: regional elites, typology, social groups, social strategies, social institutes, elite groups, the transformations trends, transit region.

Дальний Восток: новая функция региональных элит

В статье рассматриваются направления и принципы трансформации региональной элиты в постсоветские годы. Дается характеристика различным группам элит, определяется иерархия элитных групп и их функция по отношению к населению края.

Ключевые слова: региональные элиты, типология, социальные лифты, социальные стратегии, социальный институт, элитные группы, направление трансформации, транзитный регион.

За период реформ, особенно за последние годы XX века, сформировался консенсус между элитами и населением края, основанный на двух постулатах:

- Элита защищает население от нежелательного вторжения извне (региона или страны).
- Элита позволяет существовать «теневой» сфере социально-экономических отношений, дающих возможность самообеспечения для жителей края.

К началу настоящего времени соблюдение и первого, и второго условия оказывается затруднительным, поскольку входит в противоречие с деятельностью федеральных элит. Не то чтобы федеральные элиты, пришедшие в регион вместе с масштабными проектами Газпрома и федеральной концепцией тихоокеанского «окна в Азию», совсем не несли с собой «тени». Однако эта «тень» уже не

имела отношения к населению региона, а охватывала только его элиту, причем, в большей части хозяйственную. Тем самым, нарушалась и иерархия элит.

Именно региональная бюрократическая элита выступала ведущей формой региональных элит. Она организовывала и «круговорот элит», и взаимодействие между элитой и населением. В новых условиях возможности и для первого, и для второго у нее оказываются достаточно слабыми. Большая часть преференций, которыми в прежний период региональная бюрократия могла наделить или не наделить своих агентов, сегодня принадлежит иным принципам – федеральным политическим и бюрократическим элитам. Соответственно, снижается заинтересованность бизнеса во взаимодействии с прежним принципалом, оказавшимся всего лишь агентом.

Еще меньшую возможность организовывать диалог имеют бюрократические элиты в отношении партийных деятелей, регионального депутатского корпуса. Лишь традиция ощущать себя «младшими партнерами» исполнительной власти не позволяет им пока артикулировать собственные интересы. Группы, традиционно примыкающие к одному из элитных кланов (интеллектуальная, культурно-научная и медиаэлита), пребывают в состоянии растерянности в связи с резким изменением положения дел.

Конечно, дело здесь не в личности нового губернатора, который соответствует большей части параметров лидера, выделенных населением. Дело в изменении социальных условий. Федеральные элиты все более ясно дают понять, что они не нуждаются, как прежде, в лидерах, которые самостоятельно решают проблемы региона, получая в качестве «уплаты» часть власти над территорией. Отставка многолетнего мэра г. Москвы – ясный сигнал региональным элитам с требованием «помнить свое место». Исполнительная вертикаль не предполагает иного принципала, нежели харизматического лидера. Остальная часть вертикали состоит из агентов.

В этой ситуации резко возрастает значение той части экономической элиты, которая смогла согласовать свои интересы с запросами элиты федеральной. Строительные предприятия и пароходства, энергетические и финансовые компании, получившие федеральный заказ, выходят на качественно иной уровень развития собственного бизнеса. Казалось бы, здесь и находится возможность для нового соглашения между элитами. Однако в реальности все складывается несколько иначе.

Как показывают данные, полученные из неформализованных экспертных интервью с работниками муниципалитетов и предпринимателями Хабаровского края (n = 25), интересы этих предприятий в минимальной степени связаны с местным сообществом. Точнее, эти акторы готовы выплачивать «популистскую ренту», но

только по предложению федеральных властей, поскольку именно они оказываются и авторами консенсуса с населением, и держателями преференций и бюджетных потоков, от которых зависит успех новых бизнес-элит. Местные элиты и местное население для них интересны весьма опосредованно.

На долю же прежних лидеров остается лишь малый (и, максимум, средний) бизнес, который не смог согласовать свои действия с новыми тенденциями.

В более сложной ситуации оказывается население, еще недавно вполне успешные действия которого вдруг оказались малоэффективными. Традиционные социальные связи и экономические стратегии натыкаются на изменение характера элит, каналы восходящей мобильности блокируются. Несмотря на внешне стабильную ситуацию в крае, как показывают результаты опроса [1], уровень недовольства населения своим положением возрастает. Возрастает и миграционная готовность, социальная апатия (табл. 1).

Таблица 1

Хотели бы Вы уехать из региона при условии предоставления работы и жилья на новом месте жительства [1]

конечно, да	5,9%	скорее, да	28,6%
скорее, нет	17,1%	точно, нет	23,0%
затрудняюсь ответить	25,4%		

До определенной степени эта ситуация может и не особенно волновать элиты макросоциального центра. Однако «пустая» территория становится опасной. Она может быть потеряна. Даже для того, чтобы просто осуществлять транзит, поддерживать российский флаг над регионом, нужно какое-то число жителей. Вспомним, что именно оторванность региона от основной части страны стала главной причиной поражения в русско-японском столкновении начала прошлого века.

Если при распаде СССР Дальний Восток потерял более 12% населения, то при современных условиях этот процент может оказаться гораздо выше. Распад региональных элит лишает население возможности выработать общие ценностные параметры, сорганизовать поведение членов территориального сообщества. Отсутствие осознания наивысших престижей нарушает условия стратификации.

Показательно, что все опрошенные отнесли себя к «среднему слою» (более 87% – при формализованном опросе и 100% – при экспертном интервьюировании). Последнее и является свидетельством отсутствия представлений о социальной иерархии и возможных социальных лифтах. Люди теряют ориентиры направления восходящей мобильности.

Соответственно, уменьшается и возможность соотнести себя с большими социальными группами. Социальность территориального сообщества сжимается до размеров малой группы, в рамках которой восходящая мобильность оказывается невозможна.

С другой стороны, наличие федеральных элит, их активная деятельность в регионе восстанавливают стереотип об отъезде как значимом эпизоде карьеры. Ведь элиты задают шкалу, связанную с «западом», со столицей. Понятно, что наиболее активная часть населения края стремится пробиться в «настоящую» жизнь. Партийная, административная или предпринимательская карьера становится способом наиболее безболезненного преодоления пространства, которое все сильнее осознается как источник географического неравенства. Показательно, что, если в целом желание поменять место жительства в ходе опроса выразили чуть более 34% респондентов, то применительно к молодежной возрастной когорте этот показатель возрастает почти до 73%.

При этом, в силу господства стереотипов восприятия социальной реальности, и малочисленности и малой влиятельности интеллектуальной элиты, действительные причины депривации не могут быть даже сформулированы. Называются стандартные причины желания изменить место жительства: сложные климатически условия, слабое развитие социальной инфраструктуры, преступность, демографическое давление и т. д. Именно эти параметры получили наибольшую поддержку в ходе формализованного опроса.

Ориентируясь на эти данные, власть в лице макросоциального центра и в лице местных элит предпринимает стандартные шаги по улучшению (относительному) жилищных условий, материального положения и т. д. Мы не ставим себе целью доказывать, что на самом деле в Хабаровском крае крайне высокий жизненный уровень. Но в рейтинге уровня жизни регионов России, составленном Институтом региональной информации, Хабаровский край занимает вполне приличную – 11 – позицию из 83 субъектов РФ [2]. Все более очевидно, что проблема носит не столько экономический, сколько социальный характер. Отсутствие общества как системы согласованных и упорядоченных институционализированных форм оказывается более значимым, чем система материальной поддержки и социального патронажа со стороны государства.

Для сохранения населения в регионе необходимо не только обеспечить его работой и жильем, но и общей системой ценностей, не противоречащих, но отличных от общероссийских, конституирующих именно местное сообщество.

Но для выработки, а главное трансляции этих ценностей необходима консолидация региональных элит на новых принципах, отличных от тех, которые сформировали региональную элиту 90-х годов. Там перед

элитами стояла жесткая задача силового обеспечения и защиты тех видов деятельности, которые «кормили» региональное сообщество. Иными словами, перед элитами, в первую очередь, стояли политические и хозяйственные задачи. Это и отражалось во властном распределении между элитными группами и в восприятии населения. Образ «опытного хозяйственника» до сих пор выступает самым притягательным образом представителя элиты в глазах населения.

Но сегодня хозяйственные задачи, особенно масштабные, решаются помимо региональной власти, во всяком случае, – региональной власти Хабаровского края. В этой ситуации гораздо эффективнее, как показывает опыт Приморья, исполнение элитой идеологической функции, нежели хозяйственной.

Традиционно высокий статус региональной бюрократии, которая до сих пор признается населением главной элитной группой, может стать основанием для нового консенсуса. Более того, в последние годы пребывания на посту губернатора В.И. Ишаев постепенно «дрейфовал» от хозяйственника («хозяина») [3] к идеологу региона, политику, выстраивающему отношения с федеральным центром.

При этом, идея, которая способна объединить население, достаточно очевидна – особый район России. Еще на рубеже XIX – XX веков проект движения России «на восток», интеграция в тихоокеанский, а не европейский мир имела своих пламенных сторонников [4]. В тот же период возникло и опасение, что слишком большая разница в принципах социальной жизни России и стран региона может помешать полноценной интеграции в Тихоокеанский регион. Возможно, окажись в тот период такая установка ведущей, сегодня положение страны в мире и ее роль была бы иной. Но история не имеет сослагательного наклонения. Зато именно история дает нам материал для того, чтобы не повторять ошибок прошлого. Современность и усилия центральной власти дают стране второй шанс по выходу на просторы Северо-Восточной Азии. Как некогда Петр I в глухой северной окраине выстраивал «окно в Европу», так сегодня впечатляющие усилия федеральных элит направлены на создание полноценного «окна в Азию».

Но ведь и Петру пришлось создавать особый слой (чиновничество), который переводил российские проблемы на язык Запада, а западные на русский. Видимо, для полноценной интеграции в Азию понадобится такой слой. Однако появление нового социального слоя всегда чревато социальными потрясениями. Гораздо безболезненнее будет переориентировать на функции «перевода» целый регион с его населением, уже пропитанным «восточным духом».

Ведь, как показано в предшествующем изложении, именно интеграция в АТР (его «глобальные центры») стала ресурсом выживания

для дальневосточников в 90-е годы XX века. Тем самым, население региона уже имеет хозяйственный опыт взаимодействия с восточными соседями. Сегодня этот опыт все более оказывается невостребованным. Привычные виды деятельности, имевшие все пореформенные десятилетия «теневой» характер, активно сворачиваются, заменяются ресурсом, идущим из федерального центра. Транзитность же региона понимается только географически. Дальний Восток, во всяком случае его южная часть, предстает некоторым узлом из железнодорожных, речных и морских путей, нефте- и газопроводов, по которым в АТР поставляются углеводороды, а в обратном направлении идут технологии и товары народного потребления, знания и культурные образцы.

Однако это крайне однобокий тип сотрудничества. Возможности его намного больше, тем более, что речь идет о ведущем регионе планеты. Именно здесь – в АТР – сегодня проводятся передовые научно-технические и фундаментальные разработки, сосредоточены основные мировые капиталы и человеческие ресурсы.

Для развития полноценного сотрудничества с АТР, т. е. для выполнения задач федерального центра, необходим регион-посредник, выполняющий функцию транзита не только углеводородов и электроэнергии, но позитивного образа страны-соседа. Таким регионом и может стать Дальний Восток. Здесь региональная элита обретает новый смысл. Она выступает посредником для организации непригранично коммуникации, но коммуникации глобальной между странами. Именно региональное руководство способно не просто совершать политические жесты, но заниматься ежедневной работой по налаживанию связей разного уровня со странами-соседями.

Обретя новую и социально значимую роль, региональная элита сможет заново выстроить социальное пространство края. При этом, часть элиты окажется встроена в структуры федерального уровня в качестве региональных, по большей части экономических агентов, а часть примет участие в политическом налаживании контактов в АТР, оставаясь при этом встроенной в общероссийские политические структуры. Тем самым, будет решена задача интеграции региона в политическое пространство России и, одновременно, интеграция страны в АТР.

Каждый социальный слой при этом обретает новый смысл, свою роль в межкультурном диалоге. Сами эти роли и связанные с ними статусы способны дать толчок к становлению устойчивой стратификации, а вместе с ней и осознаваемым каналам восходящей мобильности, обеспечивая подвижный и динамичный характер территориального сообщества Хабаровского края.

Однако прежде чем этот процесс окажется запущенным, необходимы усилия элиты научно-художественной. Для того, чтобы обсуждать с

федеральной элитой специфику статуса региона и региональной элиты, возможности и потребности региона необходимо внятно сформулировать обсуждаемый вопрос, без ориентации на стереотипы. Однако научные тексты достаточно редко ориентированы на широкие слои населения. Как правило, они ориентированы на коллег по профессии. В этом случае преобразованием результатов научных исследований в форму политического и социально-экономического дискурса должны заняться журналисты. Формирование же регионального дискурса в структуре общероссийского и станет первым, но необходимым шагом на пути становления нового территориального сообщества Хабаровского края.

Литература и источники:

1. *Опрос проводился в ноябре 2010 года, количество опрошенных – 430, генеральная совокупность – население Хабаровского края – старше 18 лет, тип выборки: квотно-территориальная.*
2. *Рейтинг регионов России по качеству жизни. – Режим доступа: http://www.hotjob.ru/blog/1933.html*
3. *Ишаев, В. И. Особый район России / В. И. Ишаев. – Хабаровск, 1998.*
4. *Межуев, Б. В. Моделирование понятия «национальный интерес» (на примере Дальневосточной политики России в конце XIX – начале XX в.) / Б. В. Межуев // Полис. – № 1. – 1999.*